

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а XIV.

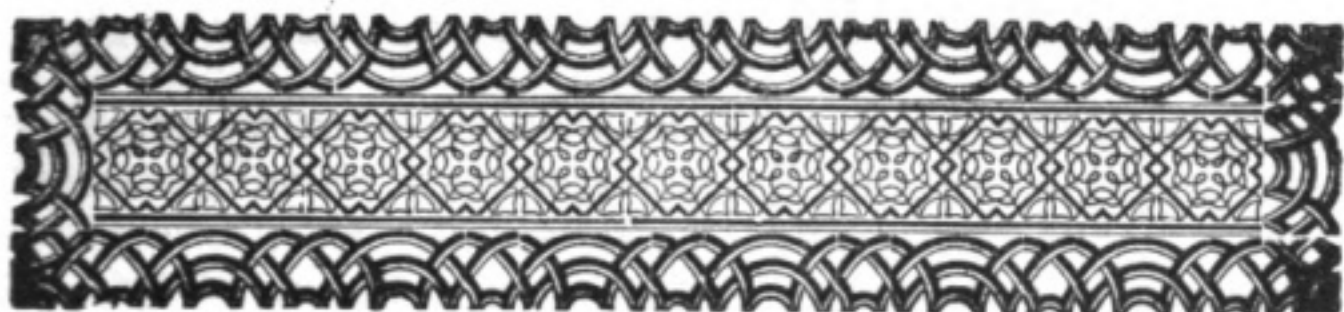
Настоящая глава перенесетъ читателя съ береговъ Эгейскаго моря въ страну пирамидъ и финиковой пальмы. Такая внезапная смѣна декораціи находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что не въ моей власти было тогда повернуть крылатое колесо богини случая въ ту или иную сторону. Впрочемъ, обойдемся на этотъ разъ безъ философіи, и я лучше расскажу здѣсь, какъ и что произошло вскорѣ послѣ знаменательнаго въ моей жизни событія, описаннаго выше.

Въ началѣ шестой недѣли Элиме передала мнѣ секретно письмо, въ которомъ я прочла удивительную для себя новость: далеко отъ Хіоса, въ глубинѣ одного изъ восточныхъ санджаковъ Малой Азіи, въ своемъ родовомъ чифликѣ умеръ отецъ моего Тафти, и послѣдній спѣшилъ туда безотлагательно: „мы расстаемся на время,—писаль онъ между прочимъ:—и я умоляю небо сохранить тебя для моего блаженства“...

Тѣмъ лучше,—думалось мнѣ въ эгоизмѣ любви:—вотъ уже одного барьера нѣтъ на пути къ нашему счастью.

Однако, моя подруга устроила дѣло такъ, что оно въ концѣ концовъ стало всеобщимъ достояніемъ, и скучающія затворницы гаремовъ, съ пылкой энергіей, обсуждая предстоявшее событіе, волновались не менѣе, чѣмъ въ моменты луннаго затменія.

Но хуже всего было то, что вздорные слухи эти не задержались только въ стѣнахъ турецкихъ жилищъ, а перекинулись въ другіе кварталы Хіоса и подняли на ноги греческое духовенство. Тогда, чтобы предупредить дальнѣйшія осложненія вокругъ моей

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а XIV.

Настоящая глава перенесетъ читателя съ береговъ Эгейскаго моря въ страну пирамидъ и финиковой пальмы. Такая внезапная смѣна декораціи находитъ себѣ оправданіе въ томъ, что не въ моей власти было тогда повернуть крылатое колесо богини случая въ ту или иную сторону. Впрочемъ, обойдемся на этотъ разъ безъ философіи, и я лучше расскажу здѣсь, какъ и что произошло вскорѣ послѣ знаменательнаго въ моей жизни событія, описаннаго выше.

Въ началѣ шестой недѣли Элиме передала мнѣ секретно письмо, въ которомъ я прочла удивительную для себя новость: далеко отъ Хіоса, въ глубинѣ одного изъ восточныхъ санджаковъ Малой Азіи, въ своемъ родовомъ чифликѣ умеръ отецъ моего Тафти, и послѣдній спѣшилъ туда безотлагательно: „мы расстаемся на время,—писаль онъ между прочимъ:—и я умоляю небо сохранить тебя для моего блаженства“...

Тѣмъ лучше,—думалось мнѣ въ эгоизмѣ любви:—вотъ уже одного барьера нѣтъ на пути къ нашему счастью.

Однако, моя подруга устроила дѣло такъ, что оно въ концѣ концовъ стало всеобщимъ достояніемъ, и скучающія затворницы гаремовъ, съ пылкой энергіей, обсуждая предстоявшее событіе, волновались не менѣе, чѣмъ въ моменты луннаго затменія.

Но хуже всего было то, что вздорные слухи эти не задержались только въ стѣнахъ турецкихъ жилищъ, а перекинулись въ другіе кварталы Хіоса и подняли на ноги греческое духовенство. Тогда, чтобы предупредить дальнѣйшія осложненія вокругъ моей

злополучной особы, рѣшено было на нѣсколько мѣсяцевъ отправить меня въ Южную Францію къ родственникамъ Магіе, въ замокъ маркиза d'Antin, семья котораго интересовалась мною и звала къ себѣ, чтобы познакомиться.

Съ воплями безумнаго отчаянія, задыхаясь въ потокахъ слезъ, бросилась я къ ногамъ Магіе, но смогла только крикнуть: „не разлучайте насъ, не разлучайте—я умру, умру!..“ И мнѣ, дѣйствительно, казалось, что жизнь улетала отъ всего моего существа.

Дорогая, незабвенная тетушка—священная память о ней всегда озаряла мой жизненный путь свѣтлымъ лучомъ надежды: она поняла тогда чуткимъ сердцемъ жгучія страданія молодой, пылкой души и протянула ей свои нѣжныя ручки.

Но каждому извѣстна логика любви: чѣмъ больше обращаются къ разсудку, тѣмъ ярче вспыхиваетъ страсть. Такъ было и со мной. Когда мнѣ говорили, напримѣръ, что раньше, чѣмъ свалиться въ пропасть, слѣдовало бы размѣрять и расчитать шаги свои, или же рисовали мрачными красками душевныя качества моего кумира, то я возражала, что готова даже смерть принять отъ него и что характеръ его измѣнится подъ вліяніемъ горячей любви, которая все можетъ побѣдить на свѣтѣ.

Мои стоны и слезы терзали окружающихъ меня—даже Али, по его же признанію, не спалъ ночей отъ горькихъ думъ. Путешествіе во Францію какъ-то само по себѣ не удалось, и всѣ мы съ мучительнымъ напряженіемъ искали выхода изъ невозможнаго положенія; но не совсѣмъ-то легко было его найти!..

Какъ вдругъ своенравной богинѣ судьбы пришла вдругъ фантазія перекинуть меня въ другую колею, что давало моимъ близкимъ нѣкоторые шансы направить ходъ событія въ противоположную сторону, и вотъ почему такъ случилось.

Къ праздникамъ католической Пасхи въ нашъ прохладный, цвѣтушій Хіосъ пріѣхала изъ огненной Африки подышать свѣжимъ воздухомъ интересная личность, которая заслуживаетъ, чтобы разсказать о ней здѣсь. Это была воспитательница дочери египетскаго хедива, знаменитаго въ исторіи прорытія Суэзскаго канала Измаила-паши, Полина Розьеръ де-Мулине изъ очень знатнаго рода французской аристократіи.

Когда умеръ въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьѣ ея отецъ, не оставивъ дѣтямъ ничего кромѣ графской короны и долговъ, то молодая, гордая дѣвушка не растерялась, не пала духомъ, а твердо и безповоротно рѣшила принести себя въ жертву долгу и поддержать блескъ имени въ лицѣ своего единственнаго брата, виконта де-Розьеръ, служившаго въ гвардіи Наполеона III.

Россію считали всегда обѣтованной землей для cadaго, желавшаго набить свой карманъ нашими варварскими рубликами, а потому и героиня этой главы остановилась на той же мысли.

Благодаря любезному содѣйствію нашего посольства въ Парижѣ она была приглашена въ Петербургъ наставницей дѣтей всесильнаго тогда министра, графа А—га и прожила у него, кажется, два или три года. Свое жалованье Полина отправляла брату; но что оно значило для шикарнаго офицера Второй Имперіи?

Въ тѣ времена обаяніе Франціи на берегахъ Нила такъ ярко отражалось въ правящихъ кругахъ и въ народныхъ массахъ, что даже золото Англій, всегда покорявшее міръ, значительно теряло тогда въ своемъ удѣльномъ вѣсѣ при погруженіи въ Суэзскій каналъ. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что главнымъ выразителемъ такого преклоненія являлся самъ вице-король Египта, Измаиль-паша. Въ особенности онъ боготворилъ императрицу Евгенію, которая въ его понятіяхъ олицетворяла собой идеалъ совершенства на землѣ.

Золотистые волосы прекрасной государыни сводили его съ ума и въ честь ея влюбленный хедивъ перекрасилъ весь персоналъ своего чрезвычайно густо населеннаго гарема въ рыжеватыхъ блондинокъ ¹⁾.

Къ тому времени, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, яркая звѣзда фатальной Евгеніи, этой „Нильской сирены“, какъ называла ее молва, уже закатилась и угасла на политическомъ горизонтѣ міра; но въ сердцѣ Измаиль-паши она еще долго свѣтилась, мерцая, подобно убѣгавшей отъ земной орбиты кометѣ.

У хедива было много дѣтей, что не казалось удивительнымъ при наличіи въ стѣнахъ громаднѣйшаго дворца Гизера 600 женъ и наложницъ. Только глава этой необъятной семьи любилъ больше другихъ маленькую Энзели. До 10 лѣтняго возраста дѣвочка оставалась на рукахъ своей матери-черкешенки, купленной случайно въ Константинополь, у еврея, торговавшаго невольницами съ Кавказа.

И вотъ однажды, прихотью судьбы, Энзели, рожденная отъ рабыни, стала вдругъ принцессой крови!

Впрочемъ, такова значить сила „кесмета“ на Востокѣ, гдѣ даже султаны, эти калифы Ислама, были по преимуществу сыновьями матерей-рабынь, и гдѣ также не рѣдко можно встрѣтить пашей, полководцевъ, министровъ, купленныхъ въ дни ихъ юности на базарахъ Стамбула или Каира.

¹⁾ Наполеонъ III и Евгенія пріѣзжали въ Египетъ для открытія Суэзскаго Канала въ 1869 году.

Маленькую дикарку взяли изъ гарема, помѣстили въ отдѣльномъ павильонѣ дворца и совершили такимъ образомъ надъ ней метаморфозу въ стилѣ сказокъ Шехеразады.

Но этимъ не ограничились: хедивъ задумалъ еще дать своей любимой дочери настоящей европейскій обликъ, и тогда по его мысли цѣлый штатъ иностранокъ окружилъ экзотическую принцессу для преподаванія ей научныхъ знаній, искусствъ и языковъ, а въ Парижъ было командировано довѣренное лицо съ порученіемъ во что бы то ни стало прискаты даму изъ самаго высшаго круга общества, которая согласилась бы за огромное жалованье взять на себя весь трудъ по воспитанію Энзели.

Братъ Полины, вращаясь постоянно въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, узналъ также объ этомъ и написалъ сестрѣ въ Петербургъ, убѣждая ее не терять случая, а хлопотать за себя.

Благодаря могущественной протекціи графа Ага, пожелавшаго устроить судьбу обѣднѣвшей аристократки, Измаиль-паша съ величайшей охотой, чтобы только сдѣлать пріятное всесильному министру Россійской Имперіи, остановилъ свой выборъ на ней.

Какъ воспитательница, она чрезвычайно нравилась хедиву, и онъ осыпалъ ее такими цѣнными подарками, что блестящему виконту съ того времени весьма недурно жилось на свѣтѣ.

Чтобы выручить моихъ родныхъ изъ затрудненій, созданныхъ инцидентомъ, рассказаннымъ выше, она предложила имъ взять меня погостить у нея мѣсяцъ, другой, а затѣмъ передъ наступленіемъ юньской жары и „хансина“¹⁾ привезти обратно въ Хиосъ.

Здѣсь не могло быть и выбора, а потому въ одинъ изъ прекраснѣйшихъ дней апрѣля, когда уже не говорятъ о равноденственныхъ буряхъ, мы обѣ, Полина и я, успѣлись въ быстроходный пакетботъ французской компаніи „Messagerie Maritime“ и отплыли въ царство Фараоновъ.

Г л а в а XV.

Воспитанница Полины де Розьеръ 15 лѣтняя Энзели была уже замужемъ второй годъ и даже имѣла ребенка. Но по непреклонной волѣ отца, а также супруга, принца Али, образованіе ея, тѣмъ не менѣе, продолжалось въ томъ же духѣ и еще въ болѣе строгомъ порядкѣ для усовершенствованія въ премудростяхъ западной цивилизаціи.

¹⁾ Песочный вѣтеръ: дуетъ съ іюня до сентября, губительно дѣйствуетъ на прѣзжихъ.

Однако, какъ тотъ, такъ и другой даже не подозрѣвали, чего это стоило гувернанткамъ и наставникамъ капризной и чрезвычайно лѣнивой принцессы, которая дѣлала все, лишь бы отравить ихъ существованіе. Но приходилось молчать, такъ какъ платили слишкомъ хорошо.

Когда доложили Эизели о моемъ пребываніи въ апартаментѣхъ Полины, то она выразила желаніе немедленно познакомиться со мной.

Нѣсколько свитскихъ „фрейлинъ“ по обычаю египетскаго церемоніала явились ко мнѣ, чтобы сопровождать къ ея высочеству.

То были арабки изъ племени бедуиновъ сѣверной Африки; но по внѣшнему виду онѣ скорѣе напоминали раскрашенныхъ куколъ лубочнаго издѣлія Европы, чѣмъ уроженокъ тропика; шиньоны и локоны золотисто-рыжеватаго цвѣта еще болѣе приближали ихъ къ этому сходству—только глаза большіе, черные и нѣжные, какъ у газели, свидѣтельствовали о расѣ. Отсюда я поняла, что тѣнь „Нильской сирены“ по-прежнему витала надъ сердцемъ Измаиль-паши.

И такъ, я отправилась съ визитомъ къ принцессѣ.

Сначала меня вели по сквознымъ галлереймъ, безконечно длиннымъ и обставленнымъ удивительной роскошью, вполнѣ отвѣчавшей нашимъ представленіямъ о великолѣпнн убранныхъ восточнаго стиля: диваны, вышитые золотыми арабесками, отоманки, крытыя парчей, богатѣйшіе ковры, мягкіе, какъ пухъ, не одна сотня лампъ и фонариковъ въ люстрахъ изъ чистѣйшаго серебра, подушки, шитыя жемчугомъ, столики и принадлежности для куренія наргиле, украшенные настоящими драгоцѣнными камнями—однимъ словомъ, достаточно сказать, что мы находились въ предѣлахъ гарема вице-короля Египта, и мнѣ объяснили, что эта часть необъятнаго Гизера служила мѣстомъ отдыха его гуріямъ въ жаркіе часы дня.

И дѣйствительно, когда я осмотрѣлась, то замѣтила нѣсколько рыжихъ, молодыхъ женщинъ, валявшихся на мягкихъ подушкахъ въ тѣни колоннады: однѣ сладко дремали, лѣниво потягиваясь, другія—курили папирсы или наргиле.

Вдругъ сразу, точно по командѣ, мы остановились: на встрѣчу намъ шла пожилая турчанка благородной осанки, привѣтливо улыбаясь:

— Мать хедива,—шепнула Полина, и я присѣла передъ знатной особой. Она что-то сказала въ ласковомъ тонѣ по моему адресу, движеніемъ руки, унизанной по локоть браслетами, предлагая слѣдовать дальше.

По пути мнѣ передали о ней много интересныхъ подробностей,

которыя заслуживаютъ вниманія читателя; но такъ какъ это не соотвѣтствуетъ программѣ настоящей главы, то я ограничиваюсь пока краткой характеристикой женщины, уже отмѣченной на страницахъ исторіи Египта, такъ какъ вся просвѣтительная дѣятельность знаменитаго вице-короля была тѣсно связана съ ея именемъ: тогда говорили, что онъ ничего не предпринималъ безъ указаній и мудрыхъ совѣтовъ матери. Сюда еще можно добавить, что она интересовалась политикой, читала европейскую литературу и принимала горячее участіе въ дѣлахъ управленія государствомъ.

Спутницы мои „придворныя дамы“, кстати надо замѣтить, въ большинствѣ купленныя на мѣстныхъ рынкахъ или привезенныя изъ Стамбула, изнемогая отъ духоты въ своихъ бархатныхъ тренахъ „à la Eugénie“, увлекли меня дальше, въ садъ, окружавшій дворцы Гизера, гдѣ я увидѣла всѣ чудеса экваторіальной флоры; но мнѣ было не до того: знойное дыханіе огненнаго неба Африки давало себя знать и казалось уже, что нашему странствованію не будетъ конца.

Затѣмъ, мы повернули въ прелестную аллею вѣковыхъ сикоморъ, подъ сѣнью которыхъ мнѣ стало вдругъ почти холодно.

Еще нѣсколько минутъ пути, и вотъ изъ зелени гранатовыхъ деревьевъ, выступая на площадку яркаго газона, точно картинка въ панорамѣ, обрисовался дивный кіоскъ, несравненный образчикъ мавританскаго зодчества. Весь облицованный голубыми эмальированными кирпичами, съ колонками и ажурными балкончиками изъ бѣлаго мрамора, висѣвшими въ пространствѣ надъ водой Нила, катившаго мимо него свои мутныя волны, онъ казался издали фантастическимъ сочетаніемъ кружева и воздушныхъ линий—такова была иллюзія жилища египетской принцессы. По широкой лѣстницѣ мы взошли наверхъ и углубились въ длинную анфіладу салоновъ. Каждаго, вѣроятно, какъ и меня, поразило бы контрастъ съ тѣмъ, что я видѣла уже въ большомъ гаремѣ: тамъ безраздѣльно царилъ только Востокъ, его изящныя формы и поэзія стиля, а здѣсь—шаблонная роскошь Запада и комфортъ европейца. Такая дисгармонія по сравненію съ наружнымъ видомъ зданія производила довольно комичное впечатлѣніе. Да и вообще, какъ замѣчено мною, мусульмане склонны вѣрить, что наши моды и фабричныя издѣлія приближаютъ ихъ къ истинной цивилизаціи.

— Пожалуйста, не забудьте, о чемъ я просила васъ, Eugénie,—напомнила мнѣ Полина:—она непременно будетъ жаловаться на свою горькую долю, а вы утѣшите ее, скажите, что въ Россіи, также, какъ и вездѣ у европейскихъ народовъ, женщины высшаго круга, даже замужнія, всегда заняты чѣмъ-нибудь полезнымъ

для ума и сердца — прямо наказаніе Божье съ этимъ лѣнливымъ звѣрькомъ!...

— Хорошо, хорошо! — отвѣтила я: — а еще что говорить?..

Но въ тотъ моментъ одна изъ фрейлинь распахнула двери въ интимные апартаменты принцессы и знакомъ предложила мнѣ войти первой, какъ требовалось въ данномъ случаѣ по этикету мусульманскаго гостепріимства.

Я сдѣлала шагъ впередъ; но озадаченная тѣмъ, что пришлось увидѣть, остановилась, не рѣшаясь итти дальше: посреди комнаты, на пушистомъ коврѣ, вся обложенная атласными подушками лежала, закутанная въ бѣлую кисею, маленькая, худенькая женщина, къ удивленію моему не рыжая, а прелестная брюнетка и, потягиваясь въ сладкомъ *fat niente*, грызла конфетку. У изголовья этой феи въ позѣ глубокаго унынія стояла длинная, тощая дама, преподавательница англійской литературы, какъ я поняла тотчасъ же. Съ выраженіемъ отчаянія въ глазахъ и прижимая къ сердцу какую-то исписанную тетрадку, она умоляла свою лѣнливую ученицу перевести на французскій языкъ нѣсколько строчекъ изъ Байрона, заданныхъ мѣсяць тому назадъ.

— Ахъ, да оставьте меня, наконецъ, въ покоѣ съ вашими дурацкими писаками! — запальчиво вскрикнула принцесса, и туфля съ ея ножки перелетѣла черезъ голову англичанки. Гордая дочь Альбіона только повернулась на каблукахъ и моментально исчезла.

— Вотъ и „русская Eugénie“ — не такъ ли? — сказала Энзели, протягивая мнѣ руки въ драгоцѣнныхъ браслетахъ до плечъ: — садитесь рядомъ со мной — будемъ друзьями! Вы носите имя прекраснѣйшей женщины въ мірѣ! Какая вы бѣленькая и розовая — счастливая, благодатная страна, гдѣ рождаются такія! Мнѣ очень хотѣлось бы туда уѣхать, а иначе здѣсь я совсѣмъ почернѣю отъ горя — о! моя жизнь одно терзаніе. И принцесса расплакалась, какъ дитя. Слезы градомъ катились по ея смуглому личику, еще не испорченному косметиками, она вся дрожала въ припадкѣ глубокаго возмущенія, жалобно повторяя: — Ахъ, эти ужасныя англичанки — какъ я ненавижу ихъ! Ну, какое мнѣ дѣло хотя бы до Байрона или Шекспира какого-то? Мало ли сумасшедшихъ людей на свѣтѣ! Еще французскіе романы можно читать съ удовольствіемъ, а то, напримѣръ, какъ одинъ чудакъ ¹⁾ сидѣлъ подъ деревомъ, и вдругъ упало яблочко на землю — что же тутъ интереснаго? Хорошо вамъ смѣяться, — обиженно проговорила она, замѣтивъ мою невольную улыбку: — у васъ, ко-

¹⁾ Ньютонъ.

нечно, замужня женщины дѣлають, что хотять, и не готовятъ уроки, точно маленькія дѣвочки...

— О, нѣтъ, принцесса, вы ошибаетесь!—возразила я, уклоняясь немного отъ истины, чтобы поддержать Полину, которая находилась здѣсь же къ великой досадѣ ея воспитанницы, мы постоянно учимся и въ молодые и старые годы, всегда работаемъ, читаемъ, пишемъ и насъ также принуждаютъ заниматься по цѣлымъ днямъ...

— Какъ! да неужели? Ахъ, бѣдныя, несчастныя созданія — учиться по цѣлымъ днямъ! перебила Энзели, лишая меня, такимъ образомъ, удовольствія блеснуть передъ ней краснорѣчіемъ и похвалиться, кстати, нашей цивилизаціей: — а я думала, что русскія дамы ровно ничего не дѣлають, когда выходятъ замужъ, — продолжала она съ полнѣйшимъ разочарованіемъ въ тонѣ голоса: — ну, значить Россія дѣйствительно варварская страна!..

Но мнѣ даже не пришлось возражать, какъ бы хотѣлось: вдругъ послышались тревожные звонки въ сосѣднихъ комнатахъ и галлереяхъ, окружавшихъ дворець-кіоскъ, топанье множества ногъ, гортанные, рѣзкіе выкрики на арабскомъ языкѣ: „Хедивъ! Хедивъ!“ и пріемная, гдѣ мы находились, стала наполняться толпою одалисокъ, причисленныхъ къ гарему принца Али.

Всѣ онѣ были одѣты въ красныя, шелковыя туники, подхваченныя золотыми пряжками на бокахъ и плечахъ.

— Хедивъ! Хедивъ!—повторяли гуріи, размѣщаясь вдоль стѣнъ и у дверей, какъ полагалось согласно церемоніалу.

Энзели вскочила на ноги, чтобы итти навстрѣчу; но Измаилъ-паша быстрыми шагами уже приближался къ намъ. Ему казалось не болѣе 45 лѣтъ; фигура у него была довольно полная, лицо круглое съ бородкой à la franço, глаза небольшіе, черные, очень выразительные, а въ общемъ онъ имѣлъ видъ и манеры человѣка, рожденнаго для власти.

— А! вотъ какая она „mademoiselle Eugénie“ — Voyons! — сжимая мнѣ руку въ отвѣтъ на мой почтительный реверансъ, оживленно заговорилъ вице-король и вдругъ мечтательно, съ оттѣнкомъ грусти добавилъ:—eh bien! eh bien! régnéz donc sur les bords du Nil...

Очевидно, мое имя воскресило призракъ „другой Eugénie“, безраздѣльно царившей въ душѣ этого знаменитаго въ исторіи Египта государя.

Здѣсь я прерываю рассказъ о странѣ фараоновъ.

Г л а в а XVI.

Въ дни моего пребыванія у Египетской принцессы я не теряла времени даромъ: благодаря удобствамъ почтовыхъ отправленій изъ дворца Хедива въ Константинополь, а главное отсутствію домашняго контроля, мнѣ удалось завязать переписку съ Мидхатъ-пашою.

Тогда звѣзда его уже восходила надъ затуманенной густыми облаками чертой политическаго горизонта, освѣщая ему путь къ славѣ и могуществу — такъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ чистосердечно вѣрилъ этому.

Однажды, еще въ началѣ нашего знакомства, онъ сказалъ мнѣ какъ бы шутя: „если полюбите турка, берите меня сватомъ — не раскаетесь“.

Въ своемъ дѣйствительно сказочномъ превращеніи онъ не забывалъ старой дружбы, и я не ошиблась, когда довѣрила ему съ полнѣйшей откровенностью всю исторію моей любви.

Къ 15 числу мая Полина де-Розьеръ привезла меня обратно въ Хиосъ больную, измученную тропической жарой въ Каирѣ.

Тафти почему-то медлилъ своимъ возвращеніемъ, и я не имѣла о немъ рѣшительно никакихъ извѣстій съ момента его отъѣзда въ далекій санджакъ Малой Азіи. Такъ проходило время, наполняя мою душу жестокимъ уныніемъ, тѣмъ болѣе, что приходилось симулировать еще веселое настроеніе и благоразуміе.

Наступило 30 мая, роковой, знаменательный день или, выражаясь правильно, новая страница, вписанная Мидхатъ-пашою въ исторію современной Турціи.

Послѣ обѣда Marie и я сидѣли въ приятномъ *dolce far niente* у окна въ столовой, любуясь вѣчно прелестной, ненаглядной панорамой Эгейскаго моря. Дядя также находился здѣсь, а секретарь его, Артуръ Триконъ, читалъ намъ вслухъ только что прибывшія изъ Константинополя газеты, по столбцамъ которыхъ тянулась все та же неизмѣнная, безконечно нудная сказочка „про бѣлаго бычка“: *le général Ignatieff, le knout, le cosaque, la vodka, l'ispravnik* и площадная ругань по адресу Черняева—дальше этого не шло, такъ какъ, вѣроятно, сэру Эллиоту, руководившему тогда турецкой прессой, не хватало просто фантазіи придумать еще что-нибудь.

— Ахъ, Боже мой!—вспыхнула Marie—да у меня начинается оскомина—развѣ тамъ, за предѣлами Хиоса ничего нѣтъ, кромѣ памфлетовъ на Россію?! Ну, какъ не надоѣло людямъ толковать все объ одномъ и объ одномъ...

Какъ будто въ отвѣтъ на ея сѣтованія раскатился ударъ пушки,

за нимъ другой, третій, и началась канонада со всѣхъ бастіоновъ крѣпости, дѣйствительно возвѣщая что-то новое, необычайное.

— Что такое! что такое! — волновались мы и не находили объясненія: заглянули въ календарь — никакого праздника или иного торжества у мусульманъ!

— Вафиръ-бей! — доложила прислуга, и къ намъ вошелъ съ пакетомъ въ рукахъ личный секретарь губернатора. Вотъ точная копія съ документа, адресованнаго тогда всѣмъ консуламъ: „Par la volonté de Dieu et du peuple le sultan Abdul-Azis est détroné, et Sa Majesté Impériale le sultan Murad V monta au trône Ottoman. Midhat“¹⁾.

Прежде чѣмъ откланяться, Вафиръ-бей передалъ дядѣ еще и другое посланіе неоффициальнаго характера: въ немъ заключалась просьба Кіамиль-паши пожаловать завтра, 31 мая, вмѣстѣ съ женой и племянницей въ Конакъ на рауть съ танцами. Вслѣдъ за подписью стояло: „магометанскія дамы примутъ также участіе и будутъ помѣщены въ закрытыхъ ложахъ на хорахъ, чтобы любоваться оттуда зрѣлищемъ праздника“.

— Нечего сказать, прогрессъ, — шутилъ Артуръ: — смотрѣть черезъ рѣшетки, какъ веселятся гуяры — *vivat* либеральному пашѣ!

— Однако, какъ же намъ одѣться? — спрашивала Marie: — я положительно не могу сообразить — ужь очень мудреная задача: „турецкій балъ“?

И мы принялись обсуждать вопросъ со всѣхъ его сторонъ. Но не прошло и часу, какъ въ нашей пріемной уже собрались почти всѣ дамы изъ европейскаго общества для рѣшенія той же задачи.

Тогда открыли засѣданіе подъ авторитетнымъ предсѣдательствомъ моей тетушки, и начались пренія.

Большинство разсуждало такъ: обыкновенный визитный нарядъ и неудобно и выходило какъ-то не парадно, тѣмъ болѣе въ присутствіи турчанокъ, которыя непременно объяснили бы это недостаткомъ должнаго почтенія къ высокому торжеству. Бальное „декольте“ — еще того хуже, возражали другія и, наконецъ, дружными усиліями единогласно подошли къ слѣдующему: надѣть платье хотя и съ открытымъ лифомъ, но шею и плечи задрапировать кружевомъ или буфами изъ газа, а на рукахъ имѣть перчатки по локоть. Такимъ образомъ получалась иллюзія: и парадно, какъ слѣдовало, тому быть, и не зазорно для щепетильной совѣсти правовѣрныхъ.

¹⁾ Волею Божьей и народа султанъ Абдуль-Азисъ лишенъ престола, а Е. И. В. султанъ Мурадъ V восшелъ на тронъ Оттомановъ. Мидхатъ.

На слѣдующій день, 31 мая, послѣ заката солнца Marie и я, закутанныя въ легкіе бурнусы и сопровождаемыя кавасомъ, подъѣхали верхами на своихъ арабскихъ скакунахъ ко дворцу паши. Иллюминація уже горѣла, съ валовъ цитадели пускали ракеты, на плацу шумѣли солдаты и матросы, забавляясь военными играми съ оглушительной пальбой.

На лѣстницѣ у входа въ пріемную со мной раскланялся одинъ изъ знакомыхъ офицеровъ, и я спросила его:

— Вы рады, что у васъ новый султанъ?

— Если будетъ платить намъ жалованье, — улыбаясь отвѣтилъ онъ, — то конечно, пошли ему Аллахъ многіе годы царствованія.

Мы вошли въ ярко освѣщенный залъ съ прелестной колоннадой и обширными хорами, замаскированными деревянными рѣшетками. Хозяинъ дома, окруженный толпою военныхъ, встрѣтилъ насъ чрезвычайно любезно; но было какъ-то странно для европейскаго глаза отсутствіе хозяйки и ея привѣта.

Послѣ взаимныхъ рукопожатій и поздравленій я обратилась къ амфитріону съ такимъ вопросомъ:

— Какъ поживаетъ ваша супруга и милая Элиме — надѣюсь, что онѣ... На этомъ мнѣ пришлось остановиться: Кіамиль-паша слишкомъ замѣтно смутился и, чтобы уклониться отъ необходимости разговаривать со мной, громко сказалъ, стоявшему тутъ же Ніязи-эфенди, начальнику крѣпостного гарнизона:

— Прошу васъ, займитесь mademoiselle и представьте ей кавалеровъ — она желаетъ танцовать...

Тогда я вспомнила, хотя и поздно, что нарушила, такимъ образомъ, одно изъ главнѣйшихъ правилъ хорошаго тона турецкой вѣжливости, по которому спрашивать мусульманина въ присутствіи другихъ мужчинъ о здоровьѣ его жены значило нанести ему прямо оскорбленіе.

Эфенди предложилъ мнѣ опереться на его руку, и мы отошли подальше.

Съ невольнымъ любопытствомъ я стала осматриваться. Мѣстные тузы, милліонеры-греки, также явились на раутъ, но, вѣроятно, не столько по сочувствію къ перевороту — имъ и при Абдуль-Азисѣ жилось весьма недурно — сколько по чисто коммерческимъ расчетамъ, такъ какъ все равно и при новомъ режимѣ слѣдовало быть въ ладахъ съ представителями власти.

Зато жены этихъ королей биржи вполне использовали случай блеснуть роскошью нарядовъ и драгоценныхъ уборовъ.

Роль кавалеровъ по преимуществу исполняли молодые купчики, перхая вокругъ дамъ и стараясь казаться настоящими dandy въ

своихъ черныхъ сюртукахъ европейскаго покроя—обыкновенно мы привыкли ихъ видѣть за прилавками или же у пакгаузовъ въ грязныхъ зуавкахъ, въ широчайшихъ шароварахъ и туфляхъ на босую ногу.

Левантинцы, вѣчно занятые своими интригами и политикой, бродили за колоннадой, оживленно бесѣдуя о злобѣ дня.

Вдоль стѣнъ жались красныя фески: то были турки стараго закала, чиновники суда, администраціи, таможни и другимъ вѣдомствъ, питавшіе глубокое отвращеніе къ новымъ порядкамъ, и съ унылымъ видомъ посматривали на свои перчатки, какъ бы спрашивая себя: „ну, для чего этотъ маскарадъ?“

Офицеры также составляли отдѣльныя группы, не смѣшиваясь съ европейской публикой.

Раздались звуки вальса—цары закружились.

— Allons, mademoiselle, имѣю честь просить васъ на туръ вальса—mille million de bombardes.

Читатель, непременно, подумаетъ, что такъ говорилъ одинъ изъ матросовъ съ какого-нибудь французскаго военнаго корабля?—нѣтъ! передо мной, изгибаясь въ „граціозныхъ позахъ“, стоялъ нѣкто Григораки Кундури, краса и гордость греческаго квартала, кумиръ дамъ и дѣвицъ, сынъ богача-торговца оливковымъ масломъ.

Это былъ пустой малый, безъ всякаго почти образованія, не знавшій другихъ нарѣчій кромѣ своего роднаго „галика“, но тѣмъ не менѣе онъ пользовался завидной репутацией вполнѣ „цивилизованнаго молодого человѣка и прекраснаго лингвиста“, вѣроятно потому, что каждое предложеніе своей рѣчи на греческомъ языкѣ онъ неизмѣнно начиналъ восклицаніемъ: „allons“! иногда, впрочемъ, для разнообразія, tiens! и заканчивалъ всегда обязательно цѣлымъ каскадомъ тѣхъ почти непереводаемыхъ характерныхъ „словечекъ“, которыми такъ богатъ лексиконъ французскихъ рабочихъ, солдатъ и моряковъ.

— Tiens! mademoiselle,—продолжалъ Кундури, вы, надо полагать, *monbleu*, весьма огорчены инцидентомъ съ Абдуль-Азисомъ? *Ventre-saint-gris, enfer et damnation!* Прекрасный пассажъ для генерала Игнатьева, *par les cornes du diable, nom de nom!*

— Почему?—рѣзко отвѣтила я,—не все-ли равно для меня, кто царствуетъ въ Турціи...

— *Sapristi! tonnerre de Dieu!*—воскликнулъ онъ и широко развелъ руками:—tiens! tiens! что слышу я? но вѣдь это означаетъ переходъ „вліяній“ къ Англіи, а вы, *pardon* за выраженіе, получаете длинный, длинный носъ! *Sac à papier! Corbleu!*

Не сдерживая глубокаго отвращенія, я повернула ему спину, что

было тотчасъ же замѣчено его поклонницами, и на меня стали коситься.

— Ахъ, какъ миль! какъ уменъ! захлебываясь отъ умиленія, говорили между собой дамы, но такъ, чтобы и я слышала:—вотъ кому быть министромъ или губернаторомъ! а краснорѣчіе—Демосеенъ! о! Григораки пойдеть далеко!

И дѣйствительно, какъ было не восхищаться, когда при всѣхъ своихъ „плѣнительныхъ“ достоинствахъ Хиосскій донъ-жуанъ еще такъ хорошо ругался на французскомъ языкѣ.

Ровно въ 11 часовъ насъ пригласили въ столовую.

Мы размѣстились вокругъ столовъ, прекрасно сервированныхъ. Только виноградное вино отсутствовало, такъ какъ мусульмане его не пьютъ, и вмѣсто него предлагали лимонадъ.

Мужчины занялись политикой, а дамы сплетнями. Офицеры и чиновники, не принимая ни малѣйшаго участія въ политическихъ дебатахъ, угощали насъ. Кіамиль-паша также не садился и внимательно слѣдилъ за порядкомъ.

Моя сосѣдка, Харикля Скараманга, шепнула мнѣ:

— Я была на хорахъ—Элиме просила вамъ сказать, что ждетъ васъ завтра же къ себѣ по очень важному дѣлу...

Я поняла. Тогда мнѣ показалось, что все измѣнилось вокругъ: комната наполнилась розовыми лучами, крикливые голоса пѣли дивную мелодію—даже Кундури преобразился въ очень симпатичнаго человѣка.

— Allons donc! надо поздравить хозяина—кто скажетъ рѣчь, mille million de bombardes!—на этотъ разъ мнѣ очень понравилась любимая прибаутка французскихъ матросовъ: я даже улыбнулась „прекрасному“ Григораки.

— Позвольте мнѣ?—заговорилъ, приближаясь къ пашѣ, представительной наружности господинъ, элегантно одѣтый. Звали его Христофоромъ Карава; онъ служилъ директоромъ мѣстнаго банка, всегда находился въ курсѣ международныхъ пертурбацій и могъ предсказывать грядущія событія по биржевому курсу бумагъ. Такихъ неоспоримыхъ качествъ было совершенно достаточно, чтобы за нимъ установилась репутація „тонкаго дипломата“, и съ его авторитетнымъ мнѣніемъ считался дѣловой кругъ Хиосскихъ коммерсантовъ.

Наполнивъ стаканъ лимонадомъ, онъ поднялъ его высоко и обратился къ почтенному собранію съ такимъ „нравоученіемъ“:

— Господа! настоящее торжество знаменуетъ собой побѣду свѣта и правды надъ тьмою и лукавствомъ. Радость народа, съ которымъ мы сожителствуемъ подъ однимъ небомъ, подъ сѣнью одного

трона—также и наша радость, залогъ общаго благополучія. Однимъ словомъ, поздравимъ себя: генераль Игнатьевъ съль на мель—многія лѣта новому Падишаху!!!

— Zito Mourad! Zito!—вопили греки: vivat! вторили европейскіе пришельцы и только тѣ, кого непосредственно касалось историческое событіе, всѣ находившіеся здѣсь турки, ничего не кричали, загадочно улыбаясь и переглядываясь между собой.

Когда было произнесено имя нашего посла, мой дядя порывисто всталъ и немедленно удалился изъ столовой. Губернаторъ бросился за нимъ вдогонку. Сконфуженные офицеры стали также выходить.

— Какая дерзость!—наклоняясь ко мнѣ, прошепталъ Хассанъ-Эфенди—въ присутствіи русскаго консула—наши всѣ возмущены!..

— О, конечно, нисколько не сомнѣваюсь!—отвѣтила я, глотая слезы.

Добрый старикъ видимо смутился, заморгаль глазами, точно собираясь плакать, и добавилъ:

— Никто, какъ Аллахъ:—все написано имъ прежде начала вѣковъ въ книгѣ судебъ...

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

